ПРОХАНОВ

СРАЖЕНИЕ МИФОВ

Михаил КИЛЬДЯШОВ

ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ

О романе Александра ПРОХАНОВА «Паола Боа» (Москва, «Вече», 2018)

ВРЕМЯ — ЛЕДОКОЛ. Оно взламывает пространство и течёт по нему. Раздвигает льдины человеческих судеб, исторических потрясений, эпохальных свершений. Огромный корабль теснит столетия: сталкивает лёд Чудского озера, разверзшийся под ливонцами, и лёд Невы, к прорубям которой, словно к живоносному источнику, шли во время Блокады. Лёд, по которому из последних сил двигался ссыльный Аввакум, ободряемый протопопицей: "Ино еще побредем", и лёд, проложивший путь русским первопроходцам, озарённым северным сиянием.

Ледокол-время таранит глыбы, оставляя за собой тропу живой воды, протягивая нить, соединяющую прошлое и настоящее. Теперь океан истории вздохнул через проложенную колею. В воде отразилось небо. Луч солнца озарил потаённые глубины, лишь на мгновение явив сокрытую суть бытия, человеческих деяний, трудов и жертв. Ледокол позволил встретиться воде и небу, соприкоснуться истории земной и истории небесной.

Но когда ледяные века всё плотнее теснят друг друга, когда идеи и судьбы рождают неразрешимые противоречия, лёд истории становится несокрушим. Время-ледокол изо всех сил бьётся об острые кромки, но не может сдвинуться с места. Льды постепенно затягивают пройденный путь, корабль оказывается в ловушке, историческую артерию закупоривает тромб. Время замирает, не может пробиться к будущему, накопленные человечеством силы не находят выхода. Оно сначала томится, негодует, а потом сникает, впадает в уныние. Светоносная цивилизация меркнет, может окончательно потухнуть.

Охотник за временем видит, что его добыча впервые угодила в неодолимую ловушку. Кажется, погоня окончена, осталось только протянуть руку и обрести долгожданный трофей. Но неожиданно для самого себя охотник произносит: "Время, вперёд!", наполняется богатырскими силами, исполинским духом — убирает с пути ледокола льдину за льдиной, расчищает дорогу к будущему. Но после долгого плена курс кораблём потерян, приборы бессильны. Направить время на верную тропу способна лишь Путеводительница. Та, что распростерла над грешными головами свой спасительный покров. Та, чьи очи смиренно взирают на нас из-под "плата узорного до бровей". Но распознать Её небесную поступь, узреть Её перст указующий очень и очень непросто. Это под силу только охотнику за временем.

В РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА "Паола Боа" в центре повествования впервые возникает героиня, а не герой. Не отважный разведчик, что готов на любой риск ради державы. Не самоотверженный солдат, прошедший девятнадцать войн, чтобы империя не "свернулась в свиток". Не одухотворённый писатель, резко меняющий свою жизнь в погоне за смыслами и впечатлениями. Не технократ, который созидаёт машину, радея за то, чтобы отлаженно работала мегамашина — государство. Не хитроумный политолог, способный своими пиар-кампаниями и интригами, словно маг, управлять человеческим сознанием, созидать и в одночасье разрушать репутации.

Проханов впервые обстоятельно выписывает и выводит на первый план женский образ, который по штриху собирался из всех его предшествующих романов. Образ, который то представал эпизодически, то проходил через всё повествование, сопутствуя главному герою. Любящие жены и верные подруги, роковые и падшие женщины, кликуши и ведуньи — все они замысловато переплелись в главной героине. В ней воплотилось прохановское представление о "вечной женственности", о женском начале русского бытия.

Россия — невеста, что ждёт у окна своего суженного. Россия — спящая красавица, которую пробуждает поцелуем сказочный королевич. Россия — мать, которой Сын, положенный во гроб, беззвучно заповедует: "Не рыдай Мене, Мати". И весь этот трагизм, жертвенность и веру нужно было вместить в ёмкий образ, светоносность которого столкнётся с абсурдом окружающей действительности, с сюрреализмом нынешнего исторического момента.

В начале романа героиня предстаёт провинциальной девушкой Клавдией Ворожейкиной, рождённой после войны, которой нет ни в одном учебнике истории. Эта война пришла из параллельной реальности, где румынские танки штурмовали вятский городок Уржум. Дитя абсурда — дочь искалеченного румына и русской женщины, Клавдия Ворожейкина унаследовала от бабушки колдовской дар: научилась варить зелье из трав и понимать язык насекомых — вестников близкой беды. Она рано столкнулась с инобытием, рано осознала, что мир не укладывается в границы зримого, слышимого, осязаемого.

Поступив после школы в столичный университет, влюбившись в молодого профессора, вскоре покинувшего её, Клавдия, "выплакав жизнь", оказалась на обочине неоновой дороги, которая постепенно привела её — жрицу любви — в роскошные апартаменты. Окна квартиры с одной стороны выходили на кладбище, а с другой — в таинственный двор, откуда изливалось золотое свечение. Так героиня замерла на распутье между старой жизнью провинциалки Клавдии Ворожейкиной и новой жизнью столичной дамы, для которой она придумала иное имя — "Паола Боа".

В этом экзотическом, мелодичном, с итальянскими и испанскими переливами имени скрывалась "кроткая змея": одновременное воплощение змеиной мудрости и голубиной простоты, эдемовской Лилит и посланца с Ноева ковчега. Смирение и коварство, грех и искупление — две жизни, два пути переплелись в этом имени героини.

ОДНАЖДЫ УТРОМ Паола с кафкианской неожиданностью обнаружила, что на ноге у неё вырос шестой палец. Необъяснимое превращение, неведомая мутация, то разгоравшаяся восковой свечой, то разраставшаяся плодной лозой, стала для Паолы Боа "перстом указующим". В нём было заключено потаённое избранничество, до времени сокрытое мессианство. Каждый из посетителей Паолы прозревал в этом "персте указующем" что-то своё: министра обороны, будущего президента или царя, канал связи с агентурой или выход в Антимир. Как после настойки колдовского зелья, палец то восседал на царском троне, то принимал военный парад, то уносил Паолу в небесную лазурь, разрывая связь со всем земным: "Паола Боа, влекомая пальцем, летала среди светил, лучистых комет, светящихся метеоритов. Она попадала в потоки разноцветных лучей, её окружали радуги, вслед за ней неслись волшебные духи Космоса. Она приземлилась на перламутровой планете, где росли небывалые деревья, цвели неописуемые цветы, текли хрустальные реки, На берегах перламутровых озер гуляли прекрасные мужчины и женщины и пели дивные песни. Паола Боа поняла, что находится в раю. Палец на её ноге был посланцем Рая".

Внезапно в череде посетителей к Паоле Боа явился Фёдор Леонидович Лактионов — аристократичный мужчина с манерами английского денди. Он представился Паоле как русский разведчик, который, выполняя секретные миссии, обошёл полмира. И в этих скитаниях испанская прорицательница, арабский дервиш и якутский шаман поведали ему, что в России живёт женщина с шестипалой стопой. Этой избраннице суждено стать Душой России, Душой Мира, воплощением Русской Мечты: "Россия через эту шестипалую женщину, обладающую красотой и пылающим сердцем, скажет миру новое Слово Жизни. То Слово, о котором мечтают народы и которое остановит зло у последней черты".

Изумлённая Паола Боа полностью отдаётся во власть очаровавшего её Фёдора Леонидовича. Они отправляются в одну за другой поездки, посещают знаковые мероприятия: спуск на воду в Петербурге арктического ледокола, международный форум в Сочи, православный Собор в Крыму, военные учения под Псковом. В этих поездках начинается "собирание русских земель", скрепление Русского Мира, одушевление и одухотворение его.

Необъяснимо, будто её устами говорит кто-то другой, Паола Боа произносит проповеди о добре, любви и милосердии. Из "перста указующего" по всему её естеству разливается благодать, и "от избытка сердца глаголют уста". Глаголют об Арктике как "кладовой русского духа, русского величия, русской свободы". О Крыме как колыбели Русской Души, крещальной купели, где Россия была поцелована Богом. Уста глаголют о русском мессианстве, о неумирающей Руси, которая несёт всему миру свет Божественной истины.

Паола Боа будто делает операцию на открытом сердце страны: удаляет тромбы, умащает рубцы, заставляет это сердце биться в ином ритме, который необходим для новых трудов и подвигов. Паола становится национальным лидером, заступницей, утешительницей. К ней народ обращает свои чаяния, связывает с ней свои надежды.

Но Фёдор Леонидович, признавшийся в любви Паоле и венчавшийся с ней, исчезает так же внезапно, как и появился. "Перст указующий", бывший открытым шлюзом для света, радости и всеобщего благоденствия, стал индикатором боли. Теперь он вобрал в себя все страдания мира: "На землю надвигалось кромешное зло. Улетучивалась атмосфера. Иссыхали океаны и реки. Сгорали леса. Проваливались города. Из провалов выдавливалась раскалённая магма. А в небе, затмевая солнце, приближалась бесформенная, в малиновом зареве скала, готовая врезаться в землю". В "персте указующем" пульсировала слеза ребёнка, адским огнём жгло прошлое Клавдии Ворожейкиной, взывали о помощи все оклеветанные, безвинно осуждённые, безжалостно отторгнутые. Золотое свечение сменилось кладбищенским мраком.

Мир стенал, кричал от боли, готов был вот-вот сорваться в бездну. Мир уподобился ледоколу, что был спущен на воду в Петербурге и теперь пробивал путь среди арктических льдов. Но в этом ледоколе образовалась трещина, которая неумолимо разрасталась, и корабль тянуло на холодное дно.

Паола Боа была последней опорой мира, луковкой тянувшей его из адских жаровен. И нужно было что-то спасительное: поступок, который одолеет крен мира, удержит его на плаву. Может быть, надо всего лишь полить комнатный цветок, забытый хозяевами на подоконнике в пустой квартире. А в том цветке притаился любимый, укрылся от страстей мира.

Но любимый, как оказалось, изначально выполнял новое задание Президента, и не было ни любви, ни подлинного венчания. По замыслу тайного общества "Русская мечта", Паола Боа была лишь политическим проектом, с помощью которого накануне выборов у конкурентов Президента надо было отобрать десять процентов голосов. Проект сделал свое дело и уже был не нужен. Паоле Боа отсекли "перст указующий" — перерезали пуповину, соединяющую с животворными силами. Паола Боа оказалась самой Россией, которая вновь претерпела крестные муки, чтобы сохранить мироздание, заделать в нём трещину, чтобы просиять Пасхальным светом посреди сгустившейся тьмы. Небесный промысел вернее земной стратегии. Смертью смерть поправ, Паола Боа плыла по водам русского времени, где встретился ей ледокол, движущийся к ледяной шапке полюса, чтобы возвестить всему миру, что там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное.

Александр ПРОХАНОВ со своими детьми — Василием, Андреем и Анастасией. Февраль 2018 года.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ КСЕНИИ МЯЛО

26 марта 2018 года в Москве на 82-м году жизни скоропостижно скончалась многолетний сотрудник и друг нашего международного фонда "Экспериментальный творческий центр", крупный советский и российский культуролог, политолог, социолог и публицист.

Ксения Григорьевна МЯЛО

КСЕНИЯ ГРИГОРЬЕВНА была — хотя она и не любила это слово — настоящим русским интеллигентом. Большой специалист в самых разных областях гуманитарного знания, она обладала не только широчайшим профессиональным кругозором. Она очень внимательно осмысливала и неравнодушно — иногда просто эмоционально яростно — переживала все важнейшие события отечественной и мировой жизни.

Ксения Григорьевна переживала эти события вовсе не как кабинетный ученый. Её книги по разноплановым горячим вопросам новейшей истории проникнуты пафосом личной заинтересованности, сопричастности и ответственности.

Так Ксения Григорьевна писала и о молодежном протесте 50-х — 70-х годов XX века ("Под знаменем бунта", 1985), и о спорных проблемах соотношения православия (которое она исповедовала) с теософскими доктринами ("Звезда волхвов, или Христос в Гималаях: Н.К.Рерих и православие", 1999), и о трагических событиях первого постсоветского десятилетия ("Россия и последние войны XX века. К истории падения сверхдержавы", 2002), и о великих и горьких столетиях отечественного историософского выбора ("Между Востоком и Западом. Опыт геополитического и историософского анализа", 2003), и о проблемах выстраивания отношений нынешней России с непризнанными осколками Советского Союза ("После СССР. Российская Федерация и непризнанные государства", 2012).

Горячая и активная интеллигентская сопричастность Ксении Григорьевны самым острым процессам в России и мире наиболее ярко проявлялась в её журнальной и газетной публицистике. Многие десятки её статей (в том числе, в нашем журнале "Россия XXI", в других ведущих журналах и газетах), статей острых, аргументированных, выверенных по содержанию и стилю, — всегда находили живой и заинтересованный отклик у множества читателей.

Вовсе не чуралась Ксения Григорьевна и актуальной общественной и политической деятельности. Будучи родом из Приднестровья, она с особой болью переживала события войны и дальнейшей борьбы непризнанной республики за независимость от взявшей антироссийский курс Молдавии. И своей аналитикой, и своим прямым политическим участием Ксения Григорьевна внесла большой вклад в урегулирование приднестровского конфликта и отстаивание мирного развития Приднестровской республики. Её заслуги в этой деятельности отмечены наградами ПМР: Орденом Почета и медалью "Участнику миротворческой операции в Приднестровье".

В 1993 году Ксения Григорьевна стала одним из основоположников и активным участником нашего интеллектуально-дискуссионного клуба "Содержательное единство". Она постоянно высказывала свой взгляд по животрепещущим проблемам как на заседаниях клуба, так и на проводимых клубом международных семинарах и конференциях.

Неожиданная смерть оборвала столь нужный обществу голос неординарно талантливого учёного, голос публициста и настоящего патриота своего Отечества. Это большая, невосполнимая утрата.

Мы глубоко скорбим о потере замечательного человека, нашего близкого друга и учителя.

Выражаем искренние соболезнования родным и близким Ксении Григорьевны.

Коллектив "Экспериментального творческого центра"

Члены клуба "Содержательное единство"

Редакция журнала "Россия-XXI"

Редакция газеты "ЗАВТРА", присоединяясь к этим словам скорби единомышленников и соратников Ксении Григорьевны, выражает свои искренние соболезнования родным и близким покойной.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Алексей ТАТАРИНОВ

МАНИФЕСТ ЧИТАТЕЛЯ

Литература не должна проиграть!

ЖИВА ЛИ СЕГОДНЯ художественная литература, есть ли у неё перспективы в стремительно меняющемся мире? Её атакуют современные рационалисты: "Литературный текст — избыточный, безнадежно тормозной способ захвата информации, препятствие на пути нового человека. С его иными скоростями, другими запросами, при отсутствии времени на эту устаревшую, пыльную виртуальность". С другого фланга нападают воины: "Нет! Литература — перенос жизненной битвы со всеми рисками и высокими эмоциями в бумажные, ограниченные книжностью пределы. Пока ты — потенциальный герой — выпадаешь в чтение, враг делает свое чёрное дело". Присоединяются священнослужители: "Литература ваша художественная — это бездействие в сфере духа, неспособность к поступку покаянному и дурная фантазия при очень внимательном созерцании чужих подвигов и падений".

Да и многие филологи наших дней пребывают в плохом настроении: "Нас давно победили, мы бесполезны. Кругом агрессивный "постмодернизм" и усиливающаяся бюрократия. Мы всё слабее и старше, всё меньше верим в слово. Студенты нового века — не надежда и закономерная смена, а знак деградации. Читают по кратким содержаниям, читают без всякого желания, вообще не читают…"

…Долой уныние! Литература — уникальное поле битвы… Художественная словесность — область воспитания, вхождения в национальный миф, познания русского мира, уверенного пребывание в нём. Литература — это сверхбытие. По отношению к "повседневности" — несомненная вертикаль. Не так уж мало — в мире, где можно свихнуться от служения пышной обыденности и благоустроенности.

При безумных скоростях нашего времени сокращение любой истории до анекдота, афоризма или клипа становится нормой. Сознание экономит силы там, где требуется внимание, анализ происходящего, необходимость тратить — время и мысли. Большая книга терапевтически обращается к современному человеку — самим своим сюжетом: сложным, сочетающим события и речи, которые нельзя "пролистать", от которых невозможно отмахнуться. Есть в этой протяженности и призыв к дисциплине ума, и противостояние суете — влиятельному демону рубежа тысячелетий. Человек читающий — на пути владения собой; в продуманном построении текста я вижу возможность созидания себя, способность к обретению сюжетно-композиционной гармонии внутри собственной жизни. Перефразируя и споря с эллинистическим поэтом Каллимахом, скажу: "Большая книга — защита нашей человечности".

Литература — это ещё и мироправдание. Оправдание мира в совершенных формах красоты. Древние греки, осваивая искусство трагедии, предложили слово "катарсис". Бытие словно нуждается в изломах, чтобы быть осознанным и парадоксально принятым. Зрителю страшно, душевно больно — …и страшно интересно в осознании человеческой участи, в пересечении великого героя и тебя самого. В этой точке осмысленного, возвышающего над прахом страдания, трагический катарсис — создание эмоциональной и нравственной вертикали при чётком осознании, что от судьбы и смерти не уйти. Пойманный сюжетом, художественным словом хаос перестаёт быть разрушительным явлением. Жизнь, отразившаяся в зеркале эстетики, еще раз призывает прожить её достойно…

В пространстве взаимодействия читателя с произведением катарсис — зерно бессмертия. Катарсис — изгнание вируса смерти! В платоновской "Апологии Сократа" приговоренный к казни философ учит примерно так: "Тот, кто не причастен к злым делам и мыслям, может быть уверен в своей защищённости. Ни здесь, ни после кончины не произойдет с ним дурного. Не бойся! Мир устроен правильно, можно творить добро без опасения за свою судьбу. Жизнь сильной души бесконечна!" Думаю, что к этой мысли подводит каждое подлинное произведение искусства, литературы — в том числе. Фактом своего творения доказывая силу и светлые перспективы человека. Независимо от присутствия или отсутствия трагизма, от обращения к смеховой культуре, от реализации замысла в том жанре или ином.

Я не упрощаю. Лишь пытаюсь сообщить, что миссия литературы — не конкретный идеологический (и даже мировоззренческий) ответ, а вопрос, с которым читатель закрывает книгу, но не покидает обретенный идейно-художественный мир. Духовной интригой обращено к нам произведение. Об одной — возможно, самой продуктивной — скажу особо. Она в "Книге Иова", в канонических Евангелиях, в "Песне о Роланде", "Гамлете" и "Фаусте", в "Маленьких трагедиях" и "Братьях Карамазовых".

Вот что здесь происходит. Есть сатана — как герой или дух упрощения. Он ненавидит человека, не верит в его силы и пытается доказать всему мирозданию, что главная задача жителя земли — успокоиться, удовлетвориться, комфортно обустроиться в прахе, подольше сохраниться в нём. Есть Бог — личность или интуиция текста. Он может и, пожалуй, должен посылать тяжелые испытания, ввинчивать человека в трагические коллизии. Не ради наказания. А чтобы человек постоянно рос, понимая, что он — не червь и моль, а душа живая, родом из вечности. Также присутствуют мнимые друзья, бесконечно меняющие имена Вилдады, Софары, Елифазы. Эти фарисеи — борцы с духом и творцы однозначных истин. Они готовы славить Бога и хулить человека в обманчивом смирении. Лишь бы поймать истину, зажать её в кулаке, превратить в навсегда заученное слово о правде и кривде. То слово, которым можно… — не только нравственно, но и юридически приговорить любого, кто всё ещё ищет — движется к Богу, борясь с предложениями сатаны о прекращении пути.

И вот он, герой: между расширяющим духовное сознание Отцом и сатаной — идеологом презрения к человеку и мастером рационализации, логически доказанного отвержения Небес. Рядом ложные товарищи — фарисеи. Они не существуют без осуждения любого свободного движения к истине. То, что приходит к герою, который вырывается из "дружеских" лап, отвергает искушения сатаны и движется к Богу, можно назвать крестом.

Интрига не в том, чтобы схватить и везде предъявлять данную схему — отрицать религиозное фарисейство и… одновременно стать его представителем в области словесности. Интрига — в живом характере истории, объединяющей Бога, сатану, героя и фарисеев. Дух и его противник, Голгофа и тот, кто поднимается на неё, — в каждом произведении разные, демонстрирующие исключительный опыт спасения от зла.

Возможно, литература — главный антифарисейский проект человечества… Почему плохо выглядят ниспровергатели литературы, заявляющие о своих безусловных православных позициях? Те, кто находят "гностицизм" и прочие ереси в "Мастере и Маргарите" или в "Пирамиде" Леонида Леонова? Сложность и действительно двойственную красоту мира, согласие с катарсисом (который необходим для евангелистов) они меняют на уверенность в стабильности и непобедимости ада. Святости не стоит искать в литературных апокрифах. Но ещё меньше её — в инквизиторских жестах.

Русская литература (добавлю: вся великая словесность) — по слову Михаила Тарковского, "младшая сестра молитвы" — не против христианства. Она ставит вопрос о том, что воскресает в нас, что действительно не подвластно смерти. Каким должен быть внутренний мир, чтобы душа оказалась достойной вечности, соответствовала божественному представлению о человеке. Ведь он не может быть исчерпан своим неизбежным разворачиванием в бытовых, социальных и других неизбежно эгоцентрических контекстах.

Художественная словесность препятствует полной победе ритуала и формы, какими бы значимыми и каноничными эти формы ни представали. Мы видим — не раз и не два, — как далекий от религии герой на наших глазах поднимается по нравственной вертикали, а заучивший все сакральные буквы антигерой совершает падение вниз. Вниз! Несмотря на соблюдение, соответствие и даже иконы по стенам. Шумеро-аккадский Гильгамеш — больший христианин, чем крещёная госпожа Головлева из салтыковского романа. Её сын Порфирий — не меньший Иуда, чем евангельский предатель.

Произведение не остаётся в месте и времени своего создания, каркас мифологического или исторически конкретного мироздания здесь символ. Поэтому Гильгамеш не устарел, в отличие от религии шумеров. Он проходит путь от царствующего изверга до искателя вечной жизни, постигает цену дружбы и выдерживает удар после утраты друга, бьётся с чудовищами и учится говорить дурным богиням "нет", полностью сливается с задачей найти истоки бессмертия и терпит героическое поражение на этом пути. Формально, фабульно — Гильгамеш проиграл. Но при этом одержана литературная победа над смертью, в катарсическом переживании подвига героя — не пессимизм, а предхристианство.

Лишь бы не заиграться, не дойти до противоположной крайности в этой литературно разрастающейся борьбе с фарисейством. Страшнее книжников-лицемеров (готовых превратить жизнь и религию в страшный, юридически действующий комикс!) только неформалы-пустотники (в противостоянии закону и традиции могут доиграться до тотальности уничтожающего смеха и "весёлого" сатанизма). Постмодернизм прошёл именно этот путь. Когда читаешь только что вышедший роман Олега Зоберна "Автобиография Иисуса Христа", понимаешь, что есть фигуры не менее тяжкие, чем символические "книжники".

При всей свободе ("апокриф" — не канон!) большая литература — это учение о человеке, о его движении к идеалу. Здесь снова не обойтись без слов о художественном произведении как о структуре. Краткости ради укажу лишь на теоретические работы Вадима Кожинова (например, "Роман — эпос нового времени") и на поэзию близкого ему по духу Юрия Кузнецова…

И в Новом Завете, и в искусстве романа, и в поэтических жанрах — явление идеального человека в гармонии мощной фабулы и сложнейшего сюжета. Как человек внешнего эпоса, он знает, что есть священная обязанность — быть в мире, ценить его, вести борьбу со злом, учитывая историческое, социальное, политическое, то конкретно жертвенное, что всегда связано с поступком. Как человек внутреннего эпоса, он не готов упрощать бытие до лаконичных формул, он ищет не самые простые пути в мир, где понимание и прощение выше духовно-юридического осуждения.

Литература учит быть в мире, но не опускаться до его упрощения в том или ином тоталитарном усилии. Литература — один из последних бастионов "классического" человека. Душа для него — не фантастика и не атавистический орган нашей нравственной виртуальности, который можно легко променять на новые универсалии перманентной технической революции. Будущее "классического" человека сейчас нельзя назвать очевидным. Против него, как и против литературы, выдвигаются серьёзные силы.

И ещё. Нам не стоит замыкаться в совершенстве национальной литературной традиции, горделиво утверждать, что мы — познали, а Запад — совсем наоборот. Никакого экуменизма — искусственного соединения в лживом кентавре! Однако художественная словесность (впрочем, как и само христианство) — возможность встречи подлинных элит, заинтересованных в завершении олигархического века. Наш русский удар будет совершенным, когда будет нанесен из всей всемирной словесности, при полном понимании, что Сервантес — не меньший наш союзник, чем Достоевский, а духовные искания Камю или Томаса Манна могут дать так же много, как путь Платонова или Булгакова. Гомеровский Ахиллес, шекспировский Гамлет и стендалевский Жюльен Сорель — сражаются на русской стороне…

Литература — дивный апокриф между нерушимым каноном и безответственностью беллетристики — должна помочь нам выжить, выдержать вызовы новейшего времени и стать действительно сильнее.

Литература не должна проиграть!

Публикуется в сокращении.
Полностью — в газете «День литературы» и на сайте denlit.ru

День литературы

Вышел из печати, поступает к подписчикам и в продажу мартовский (2018, № 3), выпуск газеты "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ".

В номере — передовая Владимира БОНДАРЕНКО, посвящённая выборам президента России; проза Владимира ЕВДОКИМОВА и Ивана МАШИНА; поэзия Ивана АЛЕКСАНДРОВСКОГО, Николая ЗИНОВЬЕВА, Тимура ЗУЛЬФИКАРОВА, Игоря МАЛЫШЕВА, Андрея ПРОСКУРЯКОВА, Светланы СУПРУНОВОЙ, Григория ШУВАЛОВА и Людмилы ЩИПАХИНОЙ; публицистика Геннадия РУССКИХ, Виктора СБИТНЕВА, Геннадия СТАРОСТЕНКО и Алексея ТАТАРИНОВА, критика Андрея ТИМОФЕЕВА и Александра ТОКАРЕВА. Александр БАЛТИН пишет о Всероссийском Дне поэзии, Лариса КЕРЧИНА — об отражении русской литературы Википедией, Надежда РАЗУМОВСКАЯ — о новой книге стихов Владимира ШЕМШУЧЕНКО, Юрий ТЕПЛОВ — о "поэзии Николая АНТОНОВА, Елена ТУЛУШЕВА — о XXV Минской международной книжной ярмарке. Как всегда, читатели могут ознакомиться с хроникой писательской жизни.

"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ", ведущую литературную газету России, спрашивайте в редакциях газет "День литературы" и "Завтра", а также в книжных лавках СП России (Комсомольский пр., 13), Литинститута (Тверской бульвар, 25), ЦДЛ (ул. Б.Никитская, 53).

Наши телефоны: **8-499-246-53-11, 8-916-015-80-69;** e-mail: Denlitera@yandex.ru; электронная версия: http://denlit.ru/.

Главный редактор — Владимир БОНДАРЕНКО.

31 марта **18.00**

Музей Льва Толстого
(улица Пречистенка, дом 11/8, проезд: м. "Парк культуры", м. "Кропоткинская")

концерт певицы

Светланы ТВЕРДОВОЙ

"ЦВЕТИ, ЗЕМЛЯ"

В программе прозвучат песни советских композиторов и произведения современных авторов.

Справки по телефону: 8 (915) 066-22-30.

Н.И. Либан. "Русская литература. Лекции-очерки" в 3 томах. — М.: "Прогресс-Плеяда", 2014-2015. Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.